

Речевые акты как лингвистическая категория: дискурсивные формулы

© 2021

Екатерина Владимировна Рахилина^{а, б}Полина Андреевна Бычкова^{а, @}Светлана Юрьевна Жукова^а^аНациональный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия;^бИнститут русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия; polyatomson@gmail.com

Аннотация: В статье обсуждается проблема преобразования классификации речевых актов, заимствованной из философии, в типологическую категорию. Трудность такого преобразования лежит в широкой вариативности формы выражения иллокутивной силы. Несмотря на то, что с основными речевыми актами традиционно ассоциируются определенные формальные признаки (ср. интонационный контур для вопроса), это не позволяет учесть более тонкой классификации (например, противопоставить комплимент сообщению о факте), а главное — полностью исключает из рассмотрения косвенные речевые акты, в природе которых лежит не прямое соответствие формы смыслу сообщения. Для преодоления этого обстоятельства в качестве маркеров категории предлагается рассматривать языковые единицы за пределами речевого акта, а именно специальный класс идиоматичных ответных реплик (ср.: *А как же!*, *Не скажи!*, *Еще чего!*), называемых дискурсивными формулами. Для исследования этого класса авторы опираются на составленный для русского языка список из более 700 формул. Корпусный анализ их употребления показывает, что использование дискурсивных формул во многом зависит от иллокутивной силы высказывания, на которое они реагируют. Сравнение сочетаемости дискурсивных формул в разных языках дает возможность выделить релевантные прагматические противопоставления среди контекстных высказываний. Представленный в статье опыт такого исследования на небольшом фрагменте стимульных речевых актов для русских и английских формул запрета и отказа показывает, что данный материал имеет потенциал для проверки, уточнения и дополнения общепринятой классификации с лингвистического ракурса.

Ключевые слова: диалог, дискурс, дискурсивные формулы, прагматика, речевые акты

Благодарности: Авторы сердечно благодарят анонимных рецензентов за их критические замечания и ценные советы, а также студентов НИУ ВШЭ, которые принимали участие в нашем проекте, в особенности Е. А. Слепак, Е. Ю. Козюк, Е. И. Афанасьеву и Ю. А. Яковлеву.

Работа поддержана Министерством науки и высшего образования РФ (075-15-2020-793).

Для цитирования: Рахилина Е. В., Бычкова П. А., Жукова С. Ю. Речевые акты как лингвистическая категория: дискурсивные формулы. *Вопросы языкознания*, 2021, 2: 7–27.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.2.7-27

Speech acts as a linguistic category: The case of discourse formulae

Ekaterina V. Rakhilina^{a, b}

Polina A. Bychkova^{a, @}

Svetlana Yu. Zhukova^a

^aHSE University, Moscow, Russia; ^bVinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; polyatomson@gmail.com

Abstract: The paper suggests an approach to conversion of the philosophical speech acts classification into a typological category. The main challenge of this task lies in great variation of the form used to express the illocutionary force. Although the core speech acts are often associated with certain formal features (cf. intonation patterns or particular word order for questions), they do not allow to capture finer distinctions, like the difference between a compliment and an announcement. Furthermore, these features do not apply to the indirect speech acts, in which the form does not directly correspond to the meaning. To overcome this obstacle, the authors suggest to consider as markers the linguistic units outside the speech act: namely, discourse formulae, a special class of idiomatic responses like *You bet!*, *No way!*, *Tell me about it!* A list of over 700 discourse formulae was investigated for Russian, and corpus evidence shows that their use relies on the illocutionary force of the preceding utterance. Studying discourse formulae cross-linguistically makes it possible to reveal universally relevant pragmatic oppositions among their contexts. A case study is presented in this paper, dealing with a brief selection of stimuli contexts for English and Russian discourse formulae used for refusing and prohibiting. The results indicate that discourse formulae can be regarded as a linguistic tool for verification of the standard classification of speech acts and further contribution to it.

Keywords: dialogue, discourse, discourse formulae, pragmatics, speech acts

Acknowledgements: The study was funded by the Ministry of Science and Higher Education of Russia (075-15-2020-793).

For citation: Rakhilina E. V., Bychkova P. A., Zhukova S. Yu. Speech acts as a linguistic category: The case of discourse formulae. *Voprosy Jazykoznanija*, 2021, 2: 7–27.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.2.7-27

1. Теория речевых актов: философия и лингвистика. Постановка задачи

Современная лингвистика имеет большой опыт удачной адаптации понятий из других областей. Так, она инкорпировала понятие валентности, заимствовав его из химии, понятие фрейма, первоначально разработанного для моделей искусственного интеллекта, понятие прототипа, заимствовав его из гештальт-психологии, и др. Заимствование никогда не было прямым: каждый раз происходило переопределение термина, необходимое для внедрения его в лингвистическую парадигму. Любопытным исключением с этой точки зрения является понятие речевого акта, введенное в классических философских работах [Austin 1975] и [Searle 1976] и получившее значительное развитие в последующие несколько десятилетий [Sbisà, Turner (eds.) 2013] (см. в особенности обзор [Kissine 2013]).

В принципе, проблематика, связанная с речевыми актами, сама по себе не так уж далека от лингвистической: развитие этой темы философами направлено на классификацию способов взаимодействия между участниками разных типов диалога. В классификации учитываются два основных аспекта: интенция говорящего и воздействие, которое высказывание должно оказывать на адресата.

Яркий пример речевых актов — директивы. К ним относят, во-первых, собственно побудительные высказывания: просьбы, приказы и др., целью которых является воздействовать на адресата так, чтобы он выполнил некоторое действие (ср.: *Закрой, пожалуйста, окно*), а во-вторых, вопросительные, которые тоже включают в себя побудительный компонент, хотя и не столь заметный. Как и побуждение, вопрос требует от собеседника некоторой реакции, пусть и менее активной (ср.: *Как вас зовут?*).

Важное место в теории занимает противопоставление прямых и косвенных речевых актов. Под косвенными речевыми актами понимаются такие высказывания, формальные свойства которых не соответствуют иллокутивной силе, непосредственно выводимой из их прагматического контекста. Один из таких сдвигов — просьба, выраженная в форме вопроса, ср. хрестоматийный пример *Не передадите ли мне соль?* из [Grice 1993]: воздействие вопроса на адресата в этом случае будет равносильно воздействию просьбы.

Исключительность теории речевых актов состоит в том, что в лингвистику она была заимствована без видимых изменений и используется, что называется, «как есть» для объяснения языковых явлений, обычно близких к прагматике и дискурсу — таких, как правила употребления интонационных конструкций [Kibrik 2011; Кибрик, Молчанова 2014] или порядок слов в предложении [Wechsler 1991]. Таким образом, речевые акты оказываются как бы сторонним, а не собственно лингвистическим явлением — в частности, до сих пор нет традиции построения лингвистической типологии речевых актов, и это создает новые трудности при интеграции речевых актов в грамматические описания естественных языков.

Напомним, что теория речевых актов неоднократно подвергалась критике за англоцентричность. Например, А. Вежбицка [Wierzbicka 1985] писала о том, что сами названия отдельных речевых актов, которые используются в принятой классификации (ср. *комплимент*) отсутствуют во многих неевропейских культурах, а следовательно, такой перечень не может считаться универсальным. Если бы можно было построить лингвистическую типологию речевых актов, эта проблема была бы решена: тогда классификация не зависела бы от конкретной культуры и языка.

Между тем, чтобы по-настоящему интегрировать речевые акты в лингвистическую теорию, нужно было бы представить их в виде лингвистической категории и выявить, как для всякой такой категории, набор ее значений и специализированные средства для их маркирования.

Если для модельного примера взять категорию числа, в набор ее значений входят единственное число, множественное, реже двойственное число и совсем редко некоторые другие значения. В каждом языке для них есть свои маркеры: в английском единственному числу соответствует нулевое маркирование, а двойственному и множественному — общее окончание (-s), то же в русском, а в китайском или вьетнамском один и тот же показатель (-Ø) может покрывать все случаи и т. д. Опираясь на (универсальные) значения и их (конкретно-языковые) маркеры, лингвистическая типология исчисляет возможные типы распределения маркеров по значениям и выявляет те значения, которые могут «склеиваться» (быть выражены одним маркером). В качестве условного образца структуры лингвистической категории приведем в схеме 1 такое распределение для парных частей тела (таких как глаза, уши, ноги и др.) как фрагмента категории числа.

Схема 1

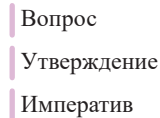
Парные части тела. Типы маркирования

Русский Английский	Хантыйский	Китайский Вьетнамский	Казахский
SG	SG	SG	SG
DUAL	DUAL	DUAL	DUAL
PL	PL	PL	PL

Возвращаясь от морфологии к прагматике, обратим внимание, что, вообще говоря, сами типы речевых актов можно было бы рассматривать как набор (универсальных) значений. Тогда основная проблема, которая встает при попытке представить эту философскую категорию как лингвистическую, состоит в том, чтобы найти подходящие языковые маркеры.

Впервые эта задача была поставлена в работе [Croft 1994], где речевые акты предлагалось соотносить с так называемыми «типами предложений» (types of sentences). Термин был заимствован У. Крофтом из работы [Sadock, Zwicky 1985], в которой шла речь о достаточно простых семантико-прагматических свойствах структуры предложения: утвердительности (Declaratives), вопросительности (Interrogatives) и императивности (Imperatives). Соответственно, значений, которые там рассматривались, тоже было только три: вопрос, утверждение и императив. Как известно, в языках есть маркеры, которые их различают: порядок слов, как в английском, где инверсия противопоставляет предложения вопросительного типа утвердительным и повелительным, или интонационный контур в русском [Янко 2004]. Как правило, с их помощью различаются все три типа предложений. Таким образом, если редуцировать классификацию речевых актов до трех позиций, теоретически могла бы получиться схема 2, в целом похожая на схему 1, представляющую фрагмент собственно лингвистической категории.

Схема 2

В принципе, само по себе типологическое исследование типов предложений может быть очень плодотворным, но в применении к теории речевых актов подход, предложенный в [Croft 1994], обнаруживает некоторую ограниченность.

Во-первых, классическая философская классификация выделяет значительно больше разных видов высказываний, противопоставляя, например, комплимент сообщению о факте (тогда как с точки зрения [Sadock, Zwicky 1985; Croft 1994], и то и другое — утвердительные предложения) или извинение просьбе (при том, что и то и другое — повелительные предложения).

Во-вторых, в работе У. Крофта принято решение оставить за кадром ключевое для Дж. Остина и Дж. Серля понятие косвенного речевого акта — из тех соображений, что за каждым речевым актом все-таки закреплено некоторое стандартное поверхностное выражение. Крофт предлагает считать косвенные речевые акты производными, вторичными и не рассматривать их наравне с обычными «прямыми».

Между тем поскольку в косвенных речевых актах форма, свойственная одному из них, используется для выражения иллокутивной силы другого, то, например, приглашение в гости, как минимум в русском (но, конечно, и в других языках), может быть выражено по крайней мере тремя способами, так что типы предложения (по [Sadock, Zwicky 1985; Croft 1994]) во всех трех случаях будут разные, а речевой акт — один:

- *Приходи в гости!*
- *Зову тебя в гости.*
- *Придешь ко мне в гости?*

Ясно, что косвенные речевые акты, что называется, портят всю картину: так устроенные значения не могут иметь лингвистических маркеров внутри фразы, соответствующей конкретному речевому акту и принадлежащей говорящему. Однако традиция такова, что и философы, и лингвисты сходятся в том, что при классификации речевых актов нужно опираться на интенции говорящего, то есть как раз на свойства этой фразы. Это и есть главный камень преткновения для построения категории.

В то же время у речевого акта есть и другая сторона: одновременно с выражением интенции говорящего он оказывает воздействие на адресата. И хотя, как мы уже говорили, и в философском, и в лингвистическом обсуждении речевых актов адресат, как правило, остается в тени, тем не менее он всегда включен в речевой акт: адресат — это тот, к кому речевой акт был обращен, и его речевое поведение существенно для характеристики речевого акта.

Идея о значимости ответных реплик для изучения диалога в целом (хотя и не в применении к речевым актам) сформулирована, в частности, в работах Н. Энфилда (см. прежде всего [Enfield 2013: 28]). В них обращается внимание на то, что ответ на высказывание адекватно отражает то, как слушатель воспринимает услышанное, а значит, представляет собой надежный инструмент для исследования значения сообщения.

Наше предложение состоит в том, чтобы, учитывая это обстоятельство, найти маркеры речевых актов в ответной реплике второго участника диалога. В этом качестве мы будем рассматривать особую разновидность ответных реплик — **дискурсивные формулы** (ДФ): неоднословные формулированные выражения типа русск. *Не то слово!*, *Вот еще!*, *А то!*, *Не скажи!* и мн. др.

Чтобы убедиться в том, что ДФ могут быть лингвистическими маркерами речевых актов, потребуется их более основательное обсуждение, которое мы предпримем в следующем, втором разделе. Там мы кратко остановимся на истории исследования ДФ, определим их место среди дискурсивных и других служебных маркеров, а также их отличие от стандартных конструкций в терминологии Construction Grammar. В третьем разделе мы обсудим их корреляцию с речевыми актами, а в четвертом продемонстрируем ее на примере ДФ со значением запрета и отказа на материале русского и английского языка.

2. Дискурсивные формулы

Наши исследования дискурсивных формул начались в рамках проекта «Русский конструктикон» — базы данных русских конструкций с подробным семантико-синтаксическим описанием, в которой уже собрано более 2000 конструкций [Janda et al. 2018; Эндресен и др. 2020]¹.

Собирая и классифицируя материал для этой базы, мы выявили особый подкласс неизменяемых конструкций-предложений — неоднословных реплик, реагирующих на предшествующий дискурс (ср. *как бы не так*) — и назвали их дискурсивными формулами (ДФ). Выяснилось, что ДФ обладают своим набором свойств, для описания которых мы выделили их в отдельную базу, связанную с «Конструктикконом».

Как и все разговорные дискурсивные единицы, наши формулы, с одной стороны, достаточно частотны, а с другой — подвижны прежде всего за счет высокой вариативности служебных слов, которые входят в их состав (например, формула *как так* вытесняется формулой *как это* — см. подробнее об этом в [Жукова и др. 2019]). Основной источник ДФ — это редукция и дальнейшая фразеологизация часто употребляемых конструкций, ср.: *где там X [отдыхать]!* → *Где там!*; *надо же X [такое сказать]!* → *Надо же!*; *не факт, что X [он придет]* → *Не факт!*)². В свою очередь, редукция формы приводит

¹ Идея создания конструктиккона принадлежит Ч. Филлмору, и сейчас идет процесс по ее реализации в Калифорнийском университете Беркли для английского языка [Fillmore et al. 2012] и параллельно для нескольких других языков — в Японии [Ohara 2013], Бразилии [Torrent et al. 2014], Швеции [Sköldberg et al. 2013], Германии [Boas, Ziem 2018]. Для русского языка проект создания Конструктиккона осуществляется Арктическим университетом Норвегии (Тромсё) совместно с НИУ ВШЭ (Москва).

² Стоит заметить, что возможна и обратная ситуация, когда к ДФ приращиваются новые элементы и возникает новая конструкция, ср. *Надо же!* → *Надо же какой X! [необычный]*. Например, этим

к стиранию исходного значения конструкции и формированию своей семантики у ДФ. Как известно, конструкции и сами проходят этот путь: ведь они становятся конструкциями в ходе (частичной) грамматикализации (а значит, редукции формы и выветривания значения) полнозначных языковых выражений [Bybee 2014: 146]. Для такого языкового выражения образование ДФ может стать следующим этапом языкового изменения. При этом новое значение будет уже не грамматическим, а прагматическим: несколько огрубляя дело, ДФ выражают положительную или отрицательную реакцию на реплику собеседника (то есть согласие или отказ в ответ на просьбу, приятие или неприятие сообщения, «да» или «нет» на вопрос и т. д.), которая может быть осложнена дополнительными семантическими и прагматическими компонентами. Полученные значения не входят в так называемый грамматический набор [Плунгян 2011: 93–100], так что этот сдвиг значения не может квалифицироваться как грамматикализация. Мы считаем его **прагматикализацией** вслед за [Aijmer 1997] или [Onodera 2011], где описывался процесс включения в языковую единицу отношения говорящего к собеседнику и сказанному им.

В той же прагматической зоне, наряду с ДФ, находятся по крайней мере два типа единиц, которые мы бы хотели здесь упомянуть, чтобы отделить их от ДФ: рутины и маркеры организации дискурса.

К так называемым **рутинам** (*routines*, см. прежде всего [Coulmas 1981; Aijmer 2014]) относятся в первую очередь формулы вежливости: *Доброго пути; Всего хорошего; Простите пожалуйста* и т. п.

Однако наш материал, собранный в ходе разметки большого массива разговорных текстов и пьес, показывает, что похожие по принципам функционирования единицы встречаются и за пределами стандартных формул вежливости, хорошо описанных в литературе, ср., например: *Кто там?; Вам кого?; Держи его!; Куда собрался!* и пр. Поэтому мы понимаем рутины несколько расширительно: каждая рутина связана с некоторой ситуацией, в которой ее принято использовать, и не может употребляться в других случаях. Таким образом, за рутинной всегда стоит некоторый культурно и социально значимый сценарий, который вынуждает говорящего ее использовать: рутина — это стандартная речевая реакция на **ситуацию**. Ср.:

- (1) <стук в дверь кабинета [ситуация]> — *Кто там?* [рутина].
 (2) <заглядывает посетитель [ситуация]> — *Вам кого?* [рутина].

От реакций на ситуацию, то есть на поведение как таковое, важно отличать реакции на **речевое** поведение. К ним в нашей системе терминологии относятся ДФ. При этом в отличие от рутин те реакции, которые выражают ДФ, произвольны, а не культурно обусловлены, ср.:

- (3) — *Проходите. — Вот еще! И не подумаю!*
 (4) — *Вам Василия Петровича? — Само собой! / Если бы! <Я к вам.>*

Это важно, потому что ритуализированные диалоги [Амека 1987] — например, такая последовательность вежливых реплик, как (5), относятся, конечно, к рутинам, а не к ДФ — в том числе по этой причине.

- (5) — *Спасибо.*
 — *Не за что / На здоровье / Пожалуйста.*

Второй пограничный для ДФ класс единиц — **маркеры** (дискурсивные или прагматические [Fraser 1996]), **регулирующие речь** — свою или собеседника, ср. русск.: *Такие*

объясняется необычная для русского языка синтаксическая структура конструкции *Черт с ним, с NP!* [Июмдин 2003].

дела; Не тяни; На этом всё; Не будем об этом и др. (ср. «регуляторные элементарные дискурсивные единицы (ЭДЕ)» в [Кибрик, Подлеская 2006]). Так же, как и ДФ, они могут употребляться автономно, по крайней мере, некоторые из них [Подлеская, Кибрик 2009: 391]. Главное отличие автономных регулирующих маркеров от ДФ заключается в семантике: стимулируя продолжение или прекращение речи, они влияют лишь на организацию диалога, тогда как ДФ являются полнозначными высказываниями, напрямую связанными с содержанием предыдущей реплики.

Таким образом, в рамках проекта «Русский конструктикон» у нас сложилась последовательная система терминов, классифицирующих пограничные по отношению к конструкциям неоднословные единицы. Конструкции — это всегда **часть** предложения. ДФ, рутины и регуляторы речи, как правило, автономны или могут быть автономны. Каждый из этих классов, как мы видели, занимает свою семантико-прагматическую нишу и обладает своим набором свойств, своим инвентарем языковых единиц, которые требуют своей классификации.

Надо сказать, что принятый нами термин «дискурсивная формула» был заимствован нами у Ч. Филлмора — основателя известной теории «Грамматики конструкций». Действительно, незадолго до появления программной статьи «Regularity and idiomacity in grammatical constructions: The case of *let alone*» [Fillmore et al. 1988], фактически положившей начало этой теории, Филлмором было написано еще две статьи, гораздо менее известных: «On fluency» [Fillmore 1979] и «Remarks on contrastive pragmatics» [Fillmore 1984]. В первой статье говорилось о роли лингвоспецифичных фиксированных выражений — «speech formulas» — в свободном владении языком, а во второй они рассматривались как доказательство возможности сравнения прагматических явлений в разных языках. «Speech formulas» в этих статьях определялись как такие фразеологизмы, которые служат для выражения прагматических функций. К ним Филлмор относил очень похожие на интересующие нас выражения — например, *you should talk* (ср. русск. *кто бы говорил*) или *I thought you'd never ask!* (ср. русск. *Спрашиваешь!*). Мы перевели этот термин как «дискурсивные формулы». В 1977 г. во время Летнего лингвистического института в Гавайском университете в Маноа [Bender 1978] Ч. Филлмор и его жена Л. Уонг-Филлмор проводили семинар, на котором они занимались разработкой способа описания для «speech formulas» и проблемой их перевода. Правда, в число формул включались и единицы, которые больше напоминают обычные конструкции, ср. [*P*] *present company excepted* ‘за исключением присутствующих’ — но ведь тогда еще не существовало ни самого определения конструкции, ни критериев, по которым можно было бы отличить от них ДФ. Таким образом, можно было бы сказать, что как новая теория Грамматика конструкций началась с обсуждения дискурсивных формул. К сожалению, позже, после выхода статьи о *let alone*, сам Ч. Филлмор уже не возвращался к дискурсивным формулам как особому классу конструкций.

Примечание

Между тем с тех пор были опубликованы другие исследования, в которых затрагивался интересующий нас языковой материал — в основном опосредованно, как, например, в статье [Wierzbicka 1985] о применении метаязыка для толкования прагматического значения, далекой от наших задач. Однако среди примеров фиксированных выражений, которые обладают собственной иллокутивной силой, были такие, как *go and jump in the lake!* и *how dare you* — видно, что сам этот языковой материал был для Вежбицкой привлекателен.

На русском материале близкие к ДФ классы языковых выражений, строго не определяя их, описывает И. А. Шаронов [1997; 2018]; вслед за [Киприянов 1983] он называет их коммуникативами. Похожий термин — коммуникема — предлагал В. Ю. Меликян [1999], который по существующим словарям составил сводный³ словарь [Меликян 2001б] объемом около 750 единиц. А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский, работая над тезаурусом и словарем русских фразеологизмов [Баранов,

³ Список коммуникем, представленных в [Меликян 2001б], составлен по материалам толковых словарей, а также словарей сленга и бранных слов.

Добровольский 2007; 2009], предложили выделять класс речевых формул (см. его описание в [Баранов, Добровольский 2008: 78–95]) — как видим, еще более близкий к ДФ по названию.

Надо сказать, что ни один из этих классов напрямую не соответствует ДФ и не проводит границ между рутинными, формулами и регуляторами речи (см. классификацию в [Меликян 2001а: 80]). Напротив, они расширяются за счет междометий или формульных восклицаний типа *Разрази меня гром!* или *Черт побери!* [Баранов, Добровольский 2014]. Кроме того, все авторы, за исключением фразеологов, не проводят различий между однословными и однословными выражениями, ср. коммуникатив *Правда?* в [Шаронов 2018]. В случайной выборке в 100 единиц из [Меликян 2001б] только 39 можно отнести к дискурсивным формулам⁴. Таким образом, из 750 коммуникем в словаре примерно 40% — т. е. около 300 единиц — представляют собой ДФ. Эта цифра далека от того, чтобы отразить, если так можно сказать, «формульную реальность» русского языка: по нашим оценкам, в нем намного больше разного рода формул.

Речевые акты, конечно, тоже упоминаются в этих работах, но только в том отношении, что ДФ, коммуникативы и другие формульные единицы представляют собой законченные речевые акты [Шаронов 2012: 437]. Для нас же тип речевого акта самой ДФ как реакции вовсе не так важен — в отличие от типа речевого акта, на который ДФ реагирует. Нам интересна корреляция семантики формулы-реакции и речевого акта-стимула.

В этом отношении наша работа может способствовать заполнению своего рода теоретического пробела и, как мы покажем в разделе 4, внести определенный вклад в типологическое описание интересующих нас единиц.

Принимая за основу в этой и других наших работах теорию «Грамматики конструкций», мы рассматриваем ДФ как непрототипический, периферийный класс прагматических конструкций. Поэтому для более точного определения ДФ полезно обозначить и границу между ними и классическими конструкциями.

Главное отличие ДФ от конструкций заключается в отсутствии синтаксиса внутри ДФ, поскольку они полностью прошли путь, который мы называем прагматикализацией, и утратили все переменные: все элементы в ДФ фиксированы.

Напротив, обычные конструкции всегда содержат в себе пустые слоты. В качестве примера возьмем предложение *What is this fly doing in my soup?* ‘Что эта муха делает в моем супе?’, которое, согласно классической работе [Kay, Fillmore 1999], представляет конструкцию *What's X doing Y?*, где *X* — имя лица или предмета, а *Y* — название места, в котором этот *X* не должен, по мнению говорящего, находиться. На этом примере видно, что переменные, охарактеризованные синтаксически и семантически («формула конструкции»), дают представление о сочетаемости конструкции и границах ее употребления. В разделе 3 мы вернемся к этому обстоятельству применительно к ДФ, не имеющим видимых переменных.

Отсутствие пустых слотов вкупе с ограниченным по сравнению с конструкциями разнообразием семантики ограничивает ДФ количественно: по нашим оценкам, в русском языке около 700 дискурсивных формул, если не считать их продуктивные варианты, и это примерно на порядок меньше, чем конструкций. Отсутствие слотов облегчает и поиск таких языковых единиц в текстах, в том числе и автоматической. Автоматически вычленив из текста конструкции и составить их список значительно сложнее, чем список ДФ [Пужаева и др. 2018], потому что слоты нетривиальным образом разрывают высказывание, в которое встроена конструкция. Вместе эти два обстоятельства дают возможность составить более или менее полный список с полной классификацией ДФ, который необходим как для теоретических, так и для прикладных целей (лексикография, перевод, обучение языку). Ясно, что построение столь же **полной** базы русских конструкций — задача значительно более объемная и амбициозная.

⁴ Остальное распределение: 19 однословных единиц (*Супер!*; *Хохошеньки!*), 8 поговорок (*Типун тебе на язык!*), 12 конструкций (*Понимаете ли, XP!*; *XP, право слово!*), 6 междометий (*Брр...*; *Боже мой!*), 9 ругательств (*Елки-палки!*; *Так и разтак!*) и 7 рутин (*Будь что будет!*; *Так тебе и надо!*).

Как мы уже говорили, ДФ всегда представляют собой целые законченные предложения. Важными характеристиками предложения, отображающими иллокутивную силу соответствующего высказывания, служат интонация [Hellbernd, Sammler 2016] и прагматическая [Гришина 2017: 18] жестикуляция — они необходимы для описания ДФ и по большей части нерелевантны для стандартных конструкций⁵.

Последнее лишний раз подтверждает, что, в отличие от обычных конструкций, ДФ в большой степени принадлежат к области прагматики. По-видимому, их следует классифицировать как особые речевые акты — вербальные реакции (как кажется, больше всего напоминающие бехабитивы [Kissine 2013]). Соответственно, в терминах речевых актов должны описываться и контексты, в которых они появляются. Это обстоятельство дает нам возможность перейти к нашему главному сюжету — попытке лингвистического маркирования речевых актов с помощью ДФ.

3. Дискурсивные формулы как маркеры речевых актов

В предварительном формате описания, предложенном в [Fillmore 1984], каждой дискурсивной формуле приписывается антецедент — стимул для ее произнесения. По нашему мнению, это и есть главная особенность описания дискурсивных формул, в отличие от конструкций. Однако у Филлмора в этом разделе лексикографического описания приводится исключительно семантическая информация, без указания на тип речевого акта. Нам представляется, что этого недостаточно, — и Филлмор сам писал о том, что такие выражения, возможно, демонстрируют хороший пример языковых единиц, у которых вообще нет семантики, так что связь между прагматикой и синтаксисом осуществляется напрямую [Ibid.: 121].

Если это верно хотя бы в какой-то степени, то при описании ДФ мы должны опираться на классификацию речевых актов так же, как обычно лексикографы опираются на семантические классификации языковых единиц при анализе их употреблений. Поэтому, описывая ДФ, мы разрабатываем специальную прагматическую разметку для их антецедентов — то есть непосредственно предшествующих формуле речевых актов, в первую очередь, различая антецеденты, являющиеся вопросами, утверждениями и императивами, но в отдельных случаях представляя прагматическую информацию об антецеденте и более подробно (см. раздел 4).

Таким образом, типы предшествующих реплик диалога — т. е. высказываний, произносимых другим участником, — выполняют для ДФ ту же роль, что пустые слоты / переменные для конструкций: так же, как для конструкций, они обеспечивают когерентность текста, соединяя разные его фрагменты между собой и, что особенно важно, определяют выбор той или иной единицы. Дело в том, что одна и та же дискурсивная формула может служить ответом на совершенно разные реплики, однако отнюдь не на любые⁶. Хорошей иллюстрацией может служить формула подтверждения *<И> не говори!* [Рахилина и др. 2019], которая выражает реакцию только на мнения, но не на предположения, вопросы⁷ или тем более просьбы:

⁵ Т. Е. Янко [2017: 103], выделяя «частные иллокуции» — фразеологизованные речевые акты, к которым относятся и ДФ, — отмечает, что им присущи уникальные интонационные характеристики.

⁶ Это может касаться не только ДФ, но и основных ответных частиц со значением ‘да’ и ‘нет’. См. детальный анализ употребления двух финских эквивалентов *da* — *joo* и *nii* — в ответ на разные типы стимульных высказываний [Sorjonen 2001].

⁷ Под вопросом здесь понимается речевой акт, а не формальные свойства высказывания. Так, *<И> не говори!* вполне может быть реакцией на оценочное суждение, выраженное в виде

- (6) — *Патронов жалко на её, — вмешался Толик.*
— **Не говори,** — согласился Михал Иванович [Сергей Довлатов. Заповедник (1983)].
- (7) — *Знаете кондитерскую фабрику Бабаева?*
— *Ну, еще бы! *И не говорите!,* сказала я [Алексей Макушинский. Город в долине (2012)].
- (8) — *А не могли бы вы и нас с собой прихватить? {...}*
— *Ну, так и быть! *И не говорите,* — согласился Карандаш [Валентин Постников. Карандаш и Самоделкин в стране фараонов (1997)].

Как мы видим, ограничения на употребление дискурсивных формул с определенными речевыми актами существуют — значит, дискурсивную формулу, которая используется в контексте некоторого речевого акта, можно считать его маркером. Так, по нашим наблюдениям, есть формулы, которые «специализируются» на том, чтобы выражать реакцию на удивление собеседника — и тем самым маркируют его, ср. ДФ *А что <тут> такого?* в (9), где говорящий сообщает, что считает удивление собеседника безосновательным.

- (9) — *...Целый день ловит. — В шкафу? — удивился учитель.*
— **А что тут такого?** Кошки видят в темноте... [Е. Велтистов. Электроник — мальчик из чемодана (1964)].

Есть и такие дискурсивные формулы, которые употребляются в ответ на отказ собеседника выполнить просьбу и выражают тоже отказ своего рода: отказ согласиться с отказом. Ср. *Ну чего ты!; Ну что тебе стоит!; Ладно тебе!*

- (10) — *Я подписывать не буду.*
Он вскочил, подлетел вплотную, замахнулся.
— **Ладно тебе! Подписывай!** [Татьяна Окуневская. Татьянин день (1998)].

В таблице 1 (с. 17) мы в качестве примера представили небольшой фрагмент классификации ДФ согласия. В ней приведены положительные формульные реакции на речевые акты трех типов: просьбу, мнение и вопрос. Видно, что выбор конкретной формулы зависит прежде всего от типа речевого акта, однако коммуникативная ситуация может детализироваться и за счет интенций и презумпций самого говорящего: он может давать положительную или отрицательную оценку сказанному, считать сказанное очевидным и пр. Поэтому даже в таком примерном виде таблица состоит более чем из одной строки и содержит более одной ДФ. Но главное в том, что мы не можем переставлять ДФ из одной строки в другую: формулы, ориентированные на мнение, не могут быть реакциями на просьбы и вопросы; те, что реагируют на вопросы, не могут служить ответами на мнения и просьбы и т. д.⁸, ср. примеры (7–8) для *не говори*.

Существенно, что применение дискурсивных формул в качестве диагностики позволяет учесть не только прямые, но и косвенные речевые акты, которые, как мы помним, стали препятствием для «types of sentences» в том же качестве. Например, формула согласия *Не вопрос* уместна в контексте просьбы, вне зависимости от того, в какой форме — императивной или вопросительной — она будет выражена:

- (11) — *Сходи, пожалуйста, в магазин.* [прямая просьба] — **Не вопрос.**
- (12) — *Можешь сходить в магазин?* [косвенная просьба в форме вопроса] — **Не вопрос.**

риторического вопроса, ср.: — *Кто же знал, что так жизнь сложится? — И не говорите...* [Маша Трауб. Замочная скважина (2012)].

⁸ Данное утверждение верно для конкретных ДФ в таблице. В реальности распределение, разумеется, устроено более сложно: как и в случае с грамматическими маркерами, многие ДФ способны «склеивать» несколько типов контекстных речевых актов. Именно случаи полисемии позволяют выстроить карту прагматического поля, см. раздел 4. Это обстоятельство никак не отменяет факта существования распределения.

Таблица 1

Положительные ДФ и речевые акты

Собеседник	Говорящий	ДФ согласия
Мнение [Р]	полностью солидарен с Р	<i>Не то слово Вот-вот</i>
Мнение [Р]	перенимает точку зрения Р	<i>Ваша правда И то верно</i>
Мнение [Р]	подтверждает и негативно оценивает Р	<i>Да уж Не говори</i>
Просьба [Р] (говорящий напрямую не задействован в Р, но для Р необходимо его согласие)	легко соглашается на Р	<i>Я не против Да ради бога</i>
Просьба [Р] (говорящий задействован в Р)	охотно соглашается на Р (+ положительная оценка + энтузиазм)	<i>Какой разговор! Не вопрос!</i>
Просьба [Р] (говорящий задействован в Р)	легко соглашается на Р + показывает, что понимал необходимость Р и до просьбы	<i>Само собой!</i>
Просьба [Р] (говорящий задействован в Р)	с неохотой соглашается на Р	<i>Так и быть! Ладно уж!</i>
Общий вопрос [Р]	сообщает, что Р верно и это очевидно	<i>А то!</i>
Общий вопрос [Р]	сообщает, что Р верно и очевидно	<i>Еще как!</i>
Общий вопрос [Р]	оценивает Р как вероятное	<i>Не исключено!</i>

Однако в качестве ответа на вопрос как таковой употребить эту формулу невозможно, потому что она не маркирует вопрос как речевой акт.

(13) — *Ты умеешь плавать?* [вопрос] — **Не вопрос.*

Говоря, что дискурсивные формулы маркируют речевые акты, мы не имеем в виду, что типы высказываний, выделенных на основе сочетаемости с дискурсивными формулами, будут в точности соответствовать уже разработанной парадигме. Если опираться на лингвистическое маркирование речевых актов, можно выделить новые, не включавшиеся до сих пор в классификацию типы.

В качестве примера приведем особый тип высказывания, при котором человек сообщает адресату некоторые сведения, считая, что последнему они до сих пор не были известны. В нашей классификации такие речевые акты называются «новости». Они отличаются от других «утвердительных» высказываний (таких как предположения или выражения мнения о некоторой ситуации) тем, что в них заложено конкретное представление

о перцепционной базе слушающего: говорящий считает, что слушающий знает меньше, чем он сам. Такой тип речевых актов выделяется в первую очередь формулами удивления — только в ответ на новость можно произнести такую формулу без уточнений и продолжения.

(14) — ...называется это растение пустынная манна.

— **Ничего себе!** Значит, по песку манная каша бегаем? [Валентин Постников. Карандаш и Самоделкин в стране людоедов (1996)].

Другой класс формул, которые сочетаются с этими речевыми актами, — безразличие, ср. *Мне-то что!* (15), а также уже упоминавшуюся формулу *А что <тут такого>*, обычно девалоризирующую удивление собеседника (см. 9).

(15) — *Валерий Петрович поживет у нас до воскресенья.*

— **Мне-то что!** — *пожала плечами Анька* [Андрей Житков. Супермаркет (2000)].

По понятным причинам, *А что <тут> такого!* очень естественно ожидать и как реакцию на новость: ведь новость — это такая информация, которая должна, по представлению собеседника, вызвать естественное удивление говорящего. Это хорошо видно в примере 16: собеседник сообщает информацию о новой выставке и прямо призывает говорящего (*представьте себе!*) удивиться сказанному. Отвечая *А что тут такого!*, говорящий сообщает, что отказывается признавать новость новостью и считает ее обыденным ожидаемым для него событием:

(16) ...*пройдет выставка картин и фотографий, литературы и периодических изданий по туризму и приключениям. И пройдет все это — представьте себе!* — *в зале Церковных Соборов храма Христа Спасителя...* — **А что тут такого?** [Комсомольская правда, 2002.09.20].

Насколько нам известно, обычно новости не рассматриваются отдельно как речевые акты (в частности, упоминаний о «новостях» нет в [Kissine 2013]). Однако особая сочетаемость с дискурсивными формулами как естественная диагностика показывает, что этот класс высказывания является отдельным речевым актом.

Получается, что лингвистическая диагностика действительно работает: дискурсивные формулы как непосредственные реакции и в самом деле являются естественными лингвистическими маркерами, которые выявляют не абстрактные, а когнитивно релевантные противопоставления. В таком случае можно строить планы по поводу расширения фило-софской классификации речевых актов — то есть уточнения списка значений соответствующей лингвистической категории. Однако для того, чтобы список действительно отражал категорию, он должен быть универсальным — в том же смысле, в котором универсален список грамматических значений. Это значит, что он должен опираться на данные не одного, а разных языков, в идеале — всех. Для этого нужно научиться сравнивать ДФ и потом, на основе сравнения, строить их типологию.

В следующем разделе мы обсудим пример такого сравнения.

4. Маркирование директивных речевых актов: дискурсивные формулы отказа и запрета

Прежде чем переходить к формулам отказа и запрета, обсудим их место в нашей базе данных [Пужаева и др. 2018] и общей лингвистической классификации дискурсивных формул, которая лежит в ее основе. База данных систематизирует собранный нами список ДФ (см. раздел 2), описывает классы и противопоставления внутри них, а также свойства конкретных формул — семантико-прагматические, фонетические, их корреляцию с жестулирующей.

Всего было выделено восемь главных классов формул: формулы удивления — *Ну и ну!*; *Надо же!*; *Не может быть!*; **безразличия** — *Мне-то что!*; *Как знаешь!*; **согласия** — *Я не против!*; *Так и быть!* и **подтверждения** — *А то!*; *Вот именно!*; **несогласия** (запрета — *Ни в коем случае!* / отказа *Ни за что!*) и **отрицания** — *Не скажи!*; *Ничего подобного!*; **девальоризации** — *Эх ты!* и **переспроса** — *В смысле?*; *Это как?*⁹

Как видим, в основном эти формулы действительно (см. раздел 2) делятся на позитивные (типа ДА) и негативные (типа НЕТ) реакции на стимульный речевой акт. К позитивным относятся формулы согласия и подтверждения. К негативным — несогласия, отрицания и девальоризации.

Формулы удивления могут «специализироваться» и выражать как приятие полученной информации (ср. положительное: *Вот это да!*), так и ее неприятие (ср. отрицательное: *Ты что?*); многозначные формулы удивления (*Да ну!*) различаются интонацией и часто жестуляцией [Бычкова и др. 2019]. Например: *Пойдем погуляем?* — *Да ну!* (~ ‘нет / не согласен’) или: *А я белый гриб нашел!* — *Да ну!* (~ ‘да / верю тебе’). В меньшей степени эта специализация видна для формул безразличия, среди которых, однако, тоже встречаются тяготеющие к положительному (*Как скажешь!*) или отрицательному (*А мне-то что!*) полюсу. И только для небольшого и, в общем, периферийного класса переспросов, это противопоставление нерелевантно.

Дискурсивные формулы с отрицательным значением, которые нас здесь интересуют, делятся на подклассы в зависимости от стимульного речевого акта. Обычное отрицание — которое ведет себя сопоставимо с отрицательной частицей — реагирует на речевые акты предположения, оценки и вопроса. Оно противопоставлено реакциям на разного типа директивные речевые акты: просьбы, советы, требования и др. По-другому принцип этого разделения можно сформулировать так: в «директивном» отрицании (отрицательный) ответ говорящего влияет на внеязыковую ситуацию и определяет ее дальнейшее развитие; например, отказ от предложенной помощи предполагает, что эта помощь оказываться не будет. Недирективное отрицание (то есть обычное, похожее по своему поведению на НЕТ) встречается в диалогах, где происходит отвлеченное обсуждение ситуаций в действительности, которое (во всяком случае, напрямую) на эти ситуации не влияет. По этому же принципу в нашей базе была разделена зона положительных ответов: полю отказ и запрета в ней соответствует поле согласия, а полю отрицания — подтверждение.

В качестве небольшого опыта по сопоставлению ДФ в разных языках мы выбрали несколько формул директивного отрицания в русском и английском, из которых обсудим здесь три¹⁰. Исходным для нас, как и в любом лексико-типологическом исследовании [Рахилина, Резникова 2013], был материал родного языка и русские формулы отказа и запрета: *Ни в коем случае*, *Ни за что* и *Ишь чего захотел!*, ср.:

- (17) — *Давай помогу, — настаивал человек. (...) — Ни в коем случае* [Сергей Довлатов. *Иная жизнь* (1984)].
- (18) — *Почитайте свои стихи. — Ни за что. Я плохой поэт — никому своих стихов не читаю* [Ирина Бахтина. *Зачем я тебе?* (2007)].
- (19) — *Развяжи мешок, — тихо попросил Гена. — Ишь, чего захотел! — возмущился кот* [Ирина Антонова. *Тринадцатый пират* // «Мурзилка», 2000].

⁹ Отдельные более редкие значения формул могут не полностью подходить под эту общую классификацию, ср. формулу *А что?*, которая находится на периферии, в промежутке между удивлением и переспросом, или немногочисленные формулы утешения (*Ну что ты!*; *Ну, ну!*) которые можно было бы отнести к девальоризации, но не к ее центральному типу — негативному, а к положительному.

¹⁰ Более крупная выборка русских и английских формул запрета и отказа рассматривается в дипломной работе [Козюк 2020].

Корпусный анализ этих формул по [НКРЯ] позволил нам выбрать четыре стимульных речевых акта для сравнения: предложение помощи (ср. *Давай я посуду помою!*), просьба разрешить (ср. *Можно я пойду?*), просьба (ср. *Ты меня не подбросишь?*) и предложение (ср. *Пошли сходим в кино!*). На основе анализа корпусных вхождений и проверки примеров, в том числе отрицательных, с несколькими носителями мы получили примерное распределение формул по выделенным ситуациям, которое отражено в таблице 2.

Следующим шагом было найти английские аналоги, поиск производился по параллельному корпусу НКРЯ и ReversoContext, а также по словарю С. И. Лубенской [1997]. Для обсуждения здесь мы выбрали три: *I'm good / fine / okay*, *Not on your life!* и *No way*, ср. примеры из СОСА:

- (20) — *Let me take it.*
 — ...***I am fine.*** *Thank you.*
 ‘— Давай я возьму.
 — Не надо, спасибо’.
- (21) — *Would you like me to represent Pantora in this matter?*
 — ***Not on your life,*** *Senator.*
 ‘— Вы не хотите, чтобы я представлял интересы Панторы в этом деле?
 — Да ни за что в жизни’.
- (22) — *Peter, will you give that song a rest? You've been playing it ever since we've got home.*
 — ***No way,*** *Lois. It's my new favorite thing in the world.*
 ‘— Питер, может оставишь уже эту песню в покое? Ты ее включаешь беспрерывно с тех пор, как мы вернулись домой.
 — Ну уж нет, Лойс. Теперь она моя самая любимая’.

Анализ употребления английских формул, так же как и анализ русских, состоял из ручной разметки вхождений в корпусе (СОСА) и уточнения полученных результатов (в том числе отрицательных примеров) у нескольких носителей английского языка при помощи специальной анкеты. Полученное в ходе этой процедуры распределение видно из таблицы 2: по вертикали в ней с помощью простых примеров отражены четыре стимульных речевых акта, в соответствующих им строках таблицы приведены те формулы английского и русского языков, которые признаны допустимыми для них в качестве формул-реакций.

Таблица 2

Директивное отрицание: русские и английские ДФ. Фрагмент

Речевой акт стимула	Английский			Русский		
	<i>no way</i>	<i>not on your life</i>	<i>I'm good / okay / fine</i>	<i>ни в коем случае</i>	<i>ни за что</i>	<i>ишь чего захотел</i>
(А) предложение помощи: <i>Давай я посуду помою!</i> <i>I could do the dishes!</i>	<i>no way</i>		<i>I'm good / okay / fine</i>	<i>ни в коем случае</i>		
(Б) просьба разрешить: <i>Можно я пойду?</i> <i>May I go now?</i>	<i>no way</i>	<i>not on your life</i>		<i>ни в коем случае</i>		<i>ишь чего захотел</i>
(В) просьба: <i>Ты меня не подбросишь?</i> <i>Would you give me a lift?</i>	<i>no way</i>	<i>not on your life</i>			<i>ни за что</i>	<i>ишь чего захотел</i>
(Г) предложение: <i>Пошли сходим в кино!</i> <i>Let's go to the movies!</i>	<i>no way</i>	<i>not on your life</i>	<i>I'm good / okay / fine</i>		<i>ни за что</i>	

Чтобы проинтерпретировать представленное в таблице 2 распределение, обратим внимание, что в качестве стимулов директивного отрицания в ней представлены и стимулы для запрета, и стимулы для отказа. Прототипический стимул для запрета — **просьба о разрешении** (Б), а для отказа — **обычная просьба** или требование (В). На первый взгляд эти два стимула очень близки, и их названия только подчеркивают сходство. Но если принять во внимание распределение ролей собеседника и говорящего, противопоставление становится прозрачным. Действительно, в контекстах типа (Б) обсуждается (потенциальная) ситуация в будущем, где главным активным участником должен выступать **собеседник** — то есть тот, кто произносит стимульный речевой акт. В этом случае речевой акт обладает свойствами не столько директива, сколько комиссива¹¹. В контекстах типа (В) принимается решение о ситуации, где главным активным участником должен выступать **говорящий** — то есть тот, кто произносит дискурсивную формулу.

Как в (Б), так и в (В) бенефициантом предполагаемой ситуации является собеседник. Это закономерно — ведь именно он инициирует разговор. Однако в качестве стимула для отказа или запрета встречаются и такие речевые акты, в которых в роли бенефицианта выступает говорящий, и они могут разделять свойства (Б) или (В).

Первый такой стимул — комиссивное предложение, или **предложение помощи** (А). Оно напоминает просьбу о разрешении тем, что активным участником ситуации будет собеседник, но, в отличие от (Б), предполагает, что заинтересован в ситуации говорящий¹². Второй — обычное **предложение** (Г). Оно задает ситуацию с обоюдной выгодой и активным вовлечением обоих участников диалога, которая, комбинируя в себе все выделенные параметры, оказывается наиболее нейтральной.

Таблица 3 показывает распределение ролей в обсуждаемой ситуации (агнс — бенефициант) и резюмирует противопоставления по двум параметрам, релевантным для нашей мини-анкеты.

Таблица 3

Распределение ролей в обсуждаемой ситуации

Речевой акт стимула	Агнс	Бенефициант
(А) предложение помощи: <i>Давай я посуду помою!</i>	собеседник	говорящий
(Б) просьба разрешить: <i>Можно я пойду?</i>	собеседник	собеседник
(В) просьба: <i>Ты меня не подбросишь?</i>	говорящий	собеседник
(Г) предложение: <i>Пошли сходим в кино?</i>	собеседник + говорящий	собеседник + говорящий

В таблице 4 показано, как противопоставление «комиссивных» просьб и предложений (А-Б) директивным (В-Г) отражается в употреблении русских формул *ни в коем случае* и *ни за что*. Формула запрета *ни в коем случае* используется только в тех случаях, когда прямого участия говорящего в ситуации не требуется. Формула отказа *ни за что* — во всех, когда предполагается его собственное активное участие (как видно из четвертой строки таблицы — вне зависимости от того, каким будет участие собеседника).

¹¹ Комиссивы — класс речевых актов, сообщающих о намерениях говорящего, — включает в себя, например, угрозы и обещания [Salgueiro 2010].

¹² Любопытно, что отрицательный ответ на предложение помощи называется отказом, как ответ на просьбу, но согласно нашей диагностике значительно больше похож на запрет.

Таблица 4

**Агентивность собеседника / говорящего при употреблении формул
ни в коем случае и ни за что**

Речевой акт стимула	Агенса	Русский	
		ни в коем случае	ни за что
(А) предложение помощи: <i>Давай я посуду помою!</i>	собеседник	ни в коем случае	
(Б) просьба разрешить: <i>Можно я пойду?</i>	собеседник	ни в коем случае	
(В) просьба: <i>Ты меня не подбросишь?</i>	говорящий		ни за что
(Г) предложение: <i>Пошли сходим в кино!</i>	собеседник + говорящий		ни за что

Формулы грубого (*ишь чего захотел, not on your life*) и вежливого (*I'm good*) директивного отрицания, напротив, чувствительны к тому, кто из участников диалога оказывается бенефициантом (см. таблицу 5). При этом русская формула *ишь чего захотел* маркирует строго те контексты, где говорящий по определению не является бенефициантом (Б–В), английская *not on your life* — любые, где бенефициантом является собеседник (Б–Г). Формула вежливого отказа *I'm good* маркирует предложения (А и Г), в которых говорящий теоретически мог быть заинтересован.

Таблица 5

**Степень заинтересованности говорящего vs. собеседника:
*ишь чего захотел, not on your life, I'm good / okay / fine***

Речевой акт стимула	Бенефициант	Русский		Английский
		<i>ишь чего захотел</i>	<i>not on your life</i>	<i>I'm good / okay / fine</i>
(А) предложение помощи: <i>Давай я посуду помою!</i>	говорящий			<i>I'm good / okay / fine</i>
(Б) просьба разрешить: <i>Можно я пойду?</i>	собеседник	<i>ишь чего захотел</i>	<i>not on your life</i>	
(В) просьба: <i>Ты меня не подбросишь?</i>	собеседник	<i>ишь чего захотел</i>	<i>not on your life</i>	
(Г) предложение: <i>Пошли сходим в кино?</i>	собеседник + говорящий		<i>not on your life</i>	<i>I'm good / okay / fine</i>

Как видим, подробный разбор и сопоставление формул-аналогов в разных языках и анализ их узуса могут обнаружить некоторые механизмы, которые связывают иллокутивную силу речевого акта с семантикой конкретных ДФ, определяя и их разнообразие, и процесс их выбора. И то и другое оказывается не случайно, а семантически мотивировано. Это дает основание ожидать, что можно не только сопоставлять отдельные формулы, но и строить их широкую типологию.

Заключение

Область лингвистической прагматики хорошо известна тем, что слабо структурируется, плохо поддается систематизации, межъязыковому сопоставлению и типологизации (см. посвященную специально этой проблеме работу [Barotto, Mauri 2018]). В особенности это касается речевых актов, которые видятся как бесконечное множество типов речевых ситуаций, неконтролируемо растущее по мере их исследования в контексте философских классификаций. Между тем лингвистическая категоризация речевых актов принципиально меняет дело: список маркеров лимитирует и упорядочивает набор значений, выделяя только те, которые оказываются когнитивно релевантны. Такой набор ограничен, а исследование лингвистических маркеров в разных языках становится инструментом исчисления составляющих его значений.

В качестве лингвистических маркеров в этой работе мы предложили **дискурсивные формулы**: неоднословные фиксированные ответные реплики в диалоге, за небольшим исключением выражающие положительную или отрицательную реакцию. Очень упрощая ситуацию, можно сказать, что в языках мира есть целый слой фразеологических конструкций-(квази)синонимов для ДА и НЕТ. Количество этих реплик действительно довольно велико (даже если не принимать во внимание свойственную им вариативность) — например, в нашем списке для русского их около 700, и это вдвое больше, чем фиксируется в словарях. Это кажется необъяснимым: зачем в языке столько разных ДА и еще больше разных НЕТ? Однако анализ показывает, что эти реплики не полностью синонимичны в том отношении, что предназначены для использования в различных речевых ситуациях и прямо зависят от интенций собеседника. То есть мы отвечаем разными ДА и разными НЕТ на просьбы, пожелания, предложения и пр. По нашему мнению, это свойство ДФ и есть залог того, что с их помощью можно построить классификацию речевых актов.

Таким образом, у нас есть гипотеза о языковых единицах, которые маркируют речевые акты: это ДФ. Есть и некоторый набор значений — те, что традиционно выделяют как речевые акты, такие как команды или просьбы, и те, которые выделяются уже с помощью новых маркеров, как новости. В принципе, этого почти достаточно, чтобы объявить существование речевых актов как лингвистической категории. На материале русского языка нам эта категория уже хорошо видна. Теперь нужен еще один шаг: нужно доказать релевантность выделенных значений для разных языков и сопоставимость свойственных им систем ДФ. Другими словами, нужно научиться строить для ДФ соответствия, подобные тем, что грамматисты умеют строить для категории числа (см. схему 1) и др.

Мы предложили здесь пилотный пример: маленький фрагмент русского и английского материала для иллюстрации дискурсивных противопоставлений, которые можно выявлять, сравнивая ДФ разных языков. Этот пример очень локальный, однако уже он обнаруживает, что существуют определенные «приводные ремни», которые связывают всегда труднодоступную для лингвистов область прагматики с остальной языковой системой. В данном случае речь идет о ролевой структуре предикатов — давно и хорошо определенной семантико-синтаксической области языка — однако роли приписываются участникам речевой ситуации: говорящему и собеседнику. Получается, что здесь прагматика естественным образом как бы трансформируется в семантические свойства и параметры, и это становится залогом успеха ее типологизации. Понятно, что в других случаях и для других формул механизмы могут быть другие, но тем интереснее их искать.

Сейчас мы продолжаем исследования в этом направлении [Бычкова 2020] и видим в них перспективы для последующего строительства широкой типологии речевых актов как полноценной лингвистической категории.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Баранов, Добровольский 2007 — Баранов А. Н., Добровольский Д. О. *Словарь-тезаурус современной русской идиоматики*. М.: Мир энциклопедий. Аванта+, 2007.
- Баранов, Добровольский 2009 — Баранов А. Н., Добровольский Д. О. *Фразеологический объяснительный словарь русского языка*. М.: Эксмо, 2009.
- Лубенская 1997 — Лубенская С. И. *Русско-английский фразеологический словарь*. М.: Языки русской культуры, 1997.
- Меликян 2001б — Меликян В. Ю. *Словарь: эмоционально-экспрессивные обороты живой речи*. М.: Флинта: Наука, 2001.
- НКРЯ — *Национальный корпус русского языка*. <http://www.ruscorpora.ru>.
- СОСА — *Corpus of Contemporary American English*. <https://www.english-corpora.org/coca/>.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Баранов, Добровольский 2008 — Баранов А. Н., Добровольский Д. О. *Аспекты теории фразеологии*. М.: Знак, 2008. [Baranov A. N., Dobrovol'skij D. O. *Aspekty teorii frazeologii* [Aspects of the theory of phraseology]. Moscow: Znak, 2008.]
- Баранов, Добровольский 2014 — Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Речевые формулы в языке Достоевского: семантические и прагматические факторы. *Язык, сознание, коммуникация*. Красных В. В., Изотов А. И. (ред.) М.: МАКС Пресс, 2014, 32–37. [Baranov A. N., Dobrovol'skij D. O. Speech formulae in Dostoevsky's language: Semantic and pragmatic factors. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya*. Krasnykh V. V., Izotov A. I. (eds.). Moscow: MAKS Press, 2014, 32–37.]
- Бычкова 2020 — Бычкова П. А. Дискурсивные формулы подтверждения в типологической перспективе. *Jezikoslovni Zapiski*, 2020, 27: 111–128. [Bychkova P. A. Discursive formulae of confirming in typological perspective. *Jezikoslovni Zapiski*, 2020, 27: 111–128.]
- Бычкова и др. 2019 — Бычкова П. А., Рахилина Е. В., Слепак Е. А. Дискурсивные формулы, полисемия и жестовое маркирование. *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*, 2019, 21: 256–284. [Bychkova P. A., Rakhilina E. V., Slepak E. A. Discursive formulae, polysemy, and gesture marking. *Trudy Instituta russkogo yazyka imeni V. V. Vinogradova*, 2019, 21: 256–284.]
- Гришина 2017 — Гришина Е. А. *Русская жестикуляция с лингвистической точки зрения. Корпусные исследования*. М.: Издательский дом ЯСК, 2017. [Grishina E. A. *Russkaya zhestikulyatsiya s lingvisticheskoi tochki zreniya. Korpusnye issledovaniya* [Russian gesticulation in linguistic perspective: Corpus studies]. Moscow: YaSK Publishing House, 2017.]
- Жукова и др. 2019 — Жукова С. Ю., Орехов Б. В., Рахилина Е. В. Дискурсивные формулы русского языка: диахронический подход. *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*, 2019, 21: 142–164. [Zhukova S. Yu., Orekhov B. V., Rakhilina E. V. Russian discursive formulae: A diachronic approach. *Trudy Instituta russkogo yazyka imeni V. V. Vinogradova*, 2019, 21: 142–164.]
- Иомдин 2003 — Иомдин Л. Л. Большие проблемы малого синтаксиса. *Труды международной конференции по компьютерной лингвистике и интеллектуальным технологиям «Диалог 2003»*. М.: Наука, 2003, 216–222. [Iomdin L. L. Megaproblems of microsyntax. *Proc. of the International Conf. in Computational Linguistics and Intellectual Technologies "Dialogue 2003"*. Moscow: Nauka, 2003, 216–222.]
- Кибрик, Молчанова 2014 — Кибрик А. А., Молчанова Н. Б. Каналы мультимодальной коммуникации: относительный вклад в понимание дискурса. *Материалы семинара «Мультимодальная коммуникация: теоретические и эмпирические исследования» (Москва, 2013 г.)*. М.: Буки Веди, 2014, 99–114. [Kibrik A. A., Molchanova N. B. Channels of multimodal communication: A relative input into understanding of the discourse. *Materials of the seminar "Multimodal communication: Theoretical and empirical studies"* (Moscow, 2013). Moscow: Buki Vedi, 2014, 99–114.]
- Кибрик, Подлеская 2006 — Кибрик А. А., Подлеская В. И. Проблема сегментации устного дискурса и когнитивная система говорящего. *Когнитивные исследования. Сборник научных трудов*. Соловьев В. Д. (ред.). М.: Ин-т психологии РАН, 2006, 138–158. [Kibrik A. A., Podlesskaya V. I. The problem of segmentation of spoken discourse and the speaker's cognitive system. *Kognitivnye issledovaniya. Sbornik nauchnykh trudov*. Solov'ev V. D. (ed.). Moscow: Institute of Psychology, 2006, 138–158.]

- Киприянов 1983 — Киприянов В. Ф. *Проблемы теории частей речи и слова-коммуникативы в современном русском языке*. М.: МОПИ, 1983. [Kipriyanov V. F. *Problemy teorii chastei rechi i slova-kommunikativy v sovremennoy russkom yazyke* [Problems of the part-of-speech theory and “communicatives” in Modern Russian]. Moscow: Moscow Regional Pedagogical Institute, 1983.]
- Козюк 2020 — Козюк Е. Ю. *Сравнительное описание дискурсивных формул отказа и отрицания в русском и английском языках*. Магистерская дипломная работа. М.: НИУ ВШЭ, 2020. [Kozyuk E. Yu. *Sravnitel'noe opisaniye diskursivnykh formul otказа i otritsaniya v russkom i angliiskom yazykakh* [Comparative description of discourse formulae with the meaning of refusal and disagreement in Russian and English]. Master's thesis. Moscow: Higher School of Economics, 2020.] <https://www.hse.ru/edu/vkr/370819640>.
- Меликян 1999 — Меликян В. Ю. К проблеме грамматической и словообразовательной парадигмы коммуникем. *Вопросы языкознания*, 1999, 6: 43–53. [Melikyan V. Yu. On the grammatical and derivational paradigm of the communicemes. *Voprosy Jazykoznanija*, 1999, 6: 43–53.]
- Меликян 2001а — Меликян В. Ю. Об основных типах нечленимых предложений в русском языке. *Филологические науки*, 2001, 6: 79–89. [Melikyan V. Yu. On the main types of unsegmentable sentences in Russian. *Filologicheskie nauki*, 2001, 6: 79–89.]
- Плунгян 2011 — Плунгян В. А. *Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира*. М.: РГГУ, 2011. [Plungian V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics: Grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2011.]
- Подлеская, Кибрик 2009 — Подлеская В. И., Кибрик А. А. Дискурсивные маркеры в структуре устного рассказа: опыт корпусного исследования. *По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог»*, 2009, 8(15): 390–395. [Podlesskaya V. I., Kibrik A. A. Discursive markers in the structure of spoken story: A corpus study. *Computational linguistics and intellectual technologies. Papers from the Annual International Conf. "Dialogue"*, 2009, 8(15): 390–395.]
- Пужаева и др. 2018 — Пужаева С. Ю., Герасименко Е. А., Захарова Е. С., Рахилина Е. В. Автоматическое извлечение дискурсивных формул из текстов на русском языке. *Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*, 2018, 16: 5–18. [Puzhaeva S. Yu., Gerasimenko E. A., Zakharova E. S., Rakhilina E. V. Automatic extraction of discursive formulae from Russian texts. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, 2018, 16: 5–18.]
- Рахилина, Резникова 2013 — Рахилина Е. В., Резникова Т. И. Фреймовый подход к лексической типологии. *Вопросы языкознания*, 2013, 2: 3–31. [Rakhilina E. V., Reznikova T. I. Frame-based approach to lexical typology. *Voprosy Jazykoznanija*, 2013, 2: 3–31.]
- Рахилина и др. 2019 — Рахилина Е. В., Плунгян В. А., Пужаева С. Ю. «Об этом рано говорить...». *Сборник статей к 85-летию В. С. Храковского*. Герасимов Д. В., Дмитренко С. Ю., Заика Н. М. (ред.). М.: Издательский дом ЯСК, 2019, 448–462. [Rakhilina E. V., Plungian V. A., Puzhaeva S. Yu. “It is too early to speak of that...”. *Sbornik statei k 85-letiyu V. S. Khrakovskogo*. Gerasimov D. V., Dmitrenko S. Yu., Zaika N. M. (eds.). Moscow: YaSK Publishing House, 2019, 448–462.]
- Шаронов 1997 — Шаронов И. А. Коммуникативы как функциональный класс и как объект лексикографического описания. *Русистика сегодня*, 1997, 2: 89–111. [Sharonov I. A. Communicatives as a functional class and as an object of lexicographical description. *Rusistika segodnya*, 1997, 2: 89–111.]
- Шаронов 2012 — Шаронов И. А. «Бог с тобой!»: теория и практика толкования фразеологических коммуникативов. *Логический анализ языка. Адресация дискурса*. Арутюнова Н. Д. (ред.). М.: Индрик, 2012, 437–448. [Sharonov I. A. “God be with you!”: Theory and practice of interpreting phraseological communicatives. *Logicheskii analiz yazyka. Adresatsiya diskursa*. Arutyunova N. D. (ed.). Moscow: Indrik, 2012, 437–448.]
- Шаронов 2018 — Шаронов И. А. Семантические и прагматические аспекты описания вводных слов и коммуникативов. *Вестник Томского гос. ун-та. Филология*, 2018, 51: 58–68. [Sharonov I. A. Semantic and pragmatic aspects of describing parenthetical words and communicatives. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 2018, 51: 58–68.]
- Эндресен и др. 2020 — Эндресен А. А., Жукова В. А., Мордашова Д. Д., Рахилина Е. В., Ляшевская О. Н. Русский конструкцион: новый лингвистический ресурс, его устройство и специфика. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог»*, 2020, 19(26): 241–255. [Endresen A. A., Zhukova V. A., Mordashova D. D., Rakhilina E. V., Lyashevskaya O. N. The Russian Constructicon: A new linguistic

- resource, its design and key characteristics. *Computational linguistics and intellectual technologies. Papers from the Annual International Conf. "Dialogue"*, 2020, 19(26): 241–255.]
- Янко 2004 — Янко Т. Е. К типологии иллокутивных актов. *Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура. Сборник статей в честь Н. Д. Арutyunовой*. Апресян Ю. Д. (ред.). М.: Языки славянских культур, 2004. [Yanko T. E. Towards a typology of illocutionary acts. *Sokrovennye smysly. Slovo. Tekst. Kul'tura. Sbornik statei v chest' N. D. Arutyunovoi*. Апресян Ю. Д. (ed.). Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2004.]
- Янко 2017 — Янко Т. Е. *Коммуникативные стратегии русской речи*. М.: Языки славянской культуры, 2017. [Yanko T. E. *Kommunikativnye strategii russkoi rechi* [Communicative strategies of spoken Russian]. Moscow: Yazyki Slavyanskoj Kul'tury, 2017.]
- Aijmer 1997 — Aijmer K. *I think* — an English modal particle. *Modality in Germanic languages: Historical and comparative perspectives*, 1997, 1: 47.
- Aijmer 2014 — Aijmer K. *Conversational routines in English: Convention and creativity*. London: Routledge, 2014.
- Ameka 1987 — Ameka F. A. Comparative analysis of linguistic routines in two languages: English and Ewe. *Journal of Pragmatics*, 1987, 11: 299–326.
- Austin 1975 — Austin J. L. *How to do things with words*. 2nd edn. Oxford: Clarendon Press, 1975.
- Barotto, Mauri 2018 — Barotto A., Mauri C. Constructing lists to construct categories. *Italian Journal of Linguistics*, 2018, 30: 95–134.
- Bender 1978 — Bender B. W. 1977 Linguistic Institute Report. *LSA Bulletin*, 1978: 17–23.
- Boas, Ziem 2018 — Boas H. C., Ziem A. Constructing a construction for German. *Constructicography: Constructicon development across languages*, 2018, 22: 183.
- Bybee 2014 — Bybee J. Cognitive processes in grammaticalization. *The new psychology of language: Cognitive and functional approaches to language structure*. Tomasello M. (ed.). New York: Psychology Press, 2014, 145–167.
- Coulmas 1981 — Coulmas F. Introduction: Conversational routine. *Conversational routine: Explorations in standardized communication situations and prepatterned speech*. Coulmas F. (ed.). The Hague: Mouton Publ., 1981, 1–17.
- Croft 1994 — Croft W. Speech act classification, language typology and cognition. *Foundations of speech act theory: Philosophical and linguistic perspectives*. Tsohatzidis S. L. (ed.). London: Routledge, 1994, 460–477.
- Enfield 2013 — Enfield N. J. *Relationship thinking: Agency, enchrony, and human sociality*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2013.
- Fillmore 1979 — Fillmore C. J. On fluency. *Individual differences in language ability and language behavior*. Fillmore C. J., Kempler D., Wang W. S. Y. (eds.). New York: Academic Press, 1979, 85–101.
- Fillmore 1984 — Fillmore C. J. Remarks on contrastive pragmatics. *Contrastive linguistics: Prospects and problems*. Fisiak J. (ed.). Berlin: Mouton, 1984.
- Fillmore et al. 1988 — Fillmore C. J., Kay P., O'Connor M. C. Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: The case of *let alone*. *Language*, 1988: 501–538.
- Fillmore et al. 2012 — Fillmore C. J., Lee-Goldman R. R., Rhodes R. The FrameNet construction. *Sign-based construction grammar*. Boas H. C., Sag I. A. (eds.). Stanford: CSLI Publications, 2012, 309–372.
- Fraser 1996 — Fraser B. Pragmatic markers. *Pragmatics*, 1996, 6: 167–190.
- Grice 1993 — Grice P. *Studies in the way of words*. Cambridge (MA): Harvard Univ. Press, 1993.
- Hellbernd, Sammler 2016 — Hellbernd N., Sammler D. Prosody conveys speaker's intentions: Acoustic cues for speech act perception. *Journal of Memory and Language*, 2016, 88: 70–86.
- Janda et al. 2018 — Janda L. A., Lyashevskaya O., Nessel T., Rakhilina E., Tyers F. M. A construction for Russian. *Constructicography: Constructicon development across languages*. Lyngfelt B., Borin L., Ohara K., Torrent T. T. Amsterdam: John Benjamins, 2018, 165–182.
- Kay, Fillmore 1999 — Kay P., Fillmore C. J. Grammatical constructions and linguistic generalizations: The *What's X doing Y?* construction. *Language*, 1999, 75: 1–33.
- Kibrik 2011 — Kibrik A. Interaction of the verbal, prosodic, and visual components in language understanding. Paper presented at the conf. "The Night Whites Language Workshop. St. Petersburg Winter Symposium on Experimental Studies of Speech and Language" (St. Petersburg, 16–17 December 2011).
- Kissine 2013 — Kissine M. Speech act classifications. *Pragmatics of speech actions*. Sbisà M., Turner K. (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2013, 173–202.
- Ohara 2013 — Ohara K. H. Toward construction building for Japanese in Japanese FrameNet. *Veredas — Revista de Estudos Linguísticos*, 2013, 17(1): 11–28.

- Onodera 2011 — Onodera N. O. The grammaticalization of discourse markers. *The Oxford handbook of grammaticalization*. Heine B., Narrog H. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2011, 614–624.
- Sadock, Zwicky 1985 — Sadock J. M., Zwicky A. M. Speech act distinctions in syntax. *Language Typology and Syntactic Description*, 1985, 1: 155–196.
- Salgueiro 2010 — Salgueiro A. B. Promises, threats, and the foundations of speech act theory. *Pragmatics*, 2010, 20: 213–228.
- Sbisà, Turner (eds.) 2013 — Sbisà M., Turner K. (eds.). *Pragmatics of speech actions*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2013.
- Searle 1976 — Searle J. R. A classification of illocutionary acts. *Language in Society*, 1976, 5: 1–23.
- Sköldberg et al. 2013 — Sköldberg E., Bäckström L., Borin L., Forsberg M., Lyngfelt B., Olsson L. J., Prentice J., Rydstedt R., Tingsell S., Uppström J. Between grammars and dictionaries: A Swedish constructicon. *Proc. of eLex*, 2013, 310–327.
- Sorjonen 2001 — Sorjonen M. *Responding in conversation: A study of response particles in Finnish*. Amsterdam: John Benjamins, 2001.
- Torrent et al. 2014 — Torrent T. T., Meireles Lage L., Sampaio T. F., da Silva Tavares T., da Silva Matos E. E. Revisiting border conflicts between framenet and construction grammar: Annotation policies for the Brazilian Portuguese constructicon. *Constructions and Frames*, 2014, 6: 34–51.
- Wechsler 1991 — Wechsler S. Verb second and illocutionary force. *Views on phrase structure*. Leffel K., Bouchard D. (eds.). Dordrecht: Springer Netherlands, 1991, 177–191.
- Wierzbicka 1985 — Wierzbicka A. A semantic metalanguage for a crosscultural comparison of speech acts and speech genres. *Language in Society*, 1985, 14: 491–514.

Получено / received 11.09.2020

Принято / accepted 17.11.2020